

Николай ЗАЙЦЕВ

г. Талгар,
Казахстан

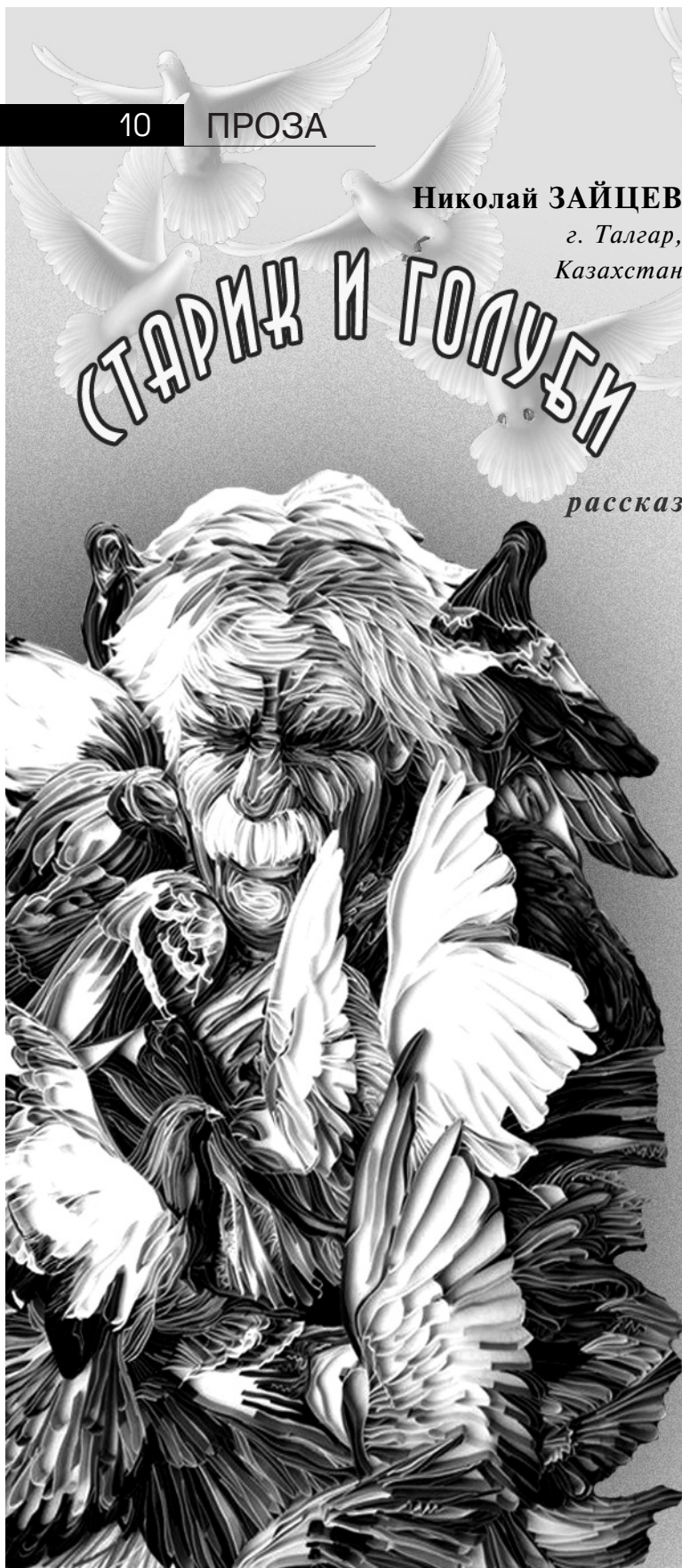
СТАРИК И ГОЛУБИ

рассказ

Не удивляйтесь, любопытный читатель, но в этом повествовании вы не найдёте даже намёка на связь моих слов с гениальным произведением папаши Хэма — (да простит он мне эту фамильярность, но в некотором роде мы коллеги по цеху), — кроме именованя героя не по прозвищу его среди людей, а по времени пребывания на белом свете. Также в моём рассказе не будет пространных описаний бушующего моря, быта рыбаков. Несхожесть в сути двух по времени очень отдалённых друг от друга сказаний существует ещё и потому, что автор позднего рассказа никогда не бывал близ необозримых водных стихий, а наслаждался только доступной взору озёрной гладью и бурным течением горных рек. Но вместо вод океана я покажу читателю бездонные глубины небес, их обитателей, схожих с ангелами, что несут на своих крыльях красоту Божьего мира, соизмеримую только с радостью, которую испытывает человек, внимая этим чудесным обновлениям живописных полотен высшего Творца. Не претендуя на славу мудрого Хемингуэя, я расскажу о своём понимании радости и печали, одиночества в кругу людей, не понимающих простых истин, что порой незримо дарует счастье от недолгого пребывания среди роскошных видений земного бытия.

Старик сидел в глубоком кожаном кресле, поставленном под небольшим навесом у крыльца своего дома. Весеннее солнце щедро освещало уголок его пребывания, и, похоже, он, откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза, наслаждался юным ласковым теплом начала светлого дня. Но вот лёгкое беспокойство потревожило безмятежность его лица; старик открыл глаза, поднялся на ноги, обнаружив кряжистую фигуру, в которой угадывалась несгибаемая выправка кадрового офицера, но слегка согбенную прожитыми годами, — фигуру, напоминавшую крутым изгибом плеч о мощной мужской силе в период её расцвета. Взявшись за спинку кресла, он не без труда передвинул сиденье к центру двора, поднял голову к небу и, сунув пальцы в рот, по-молодецки засвистел.

Звук взлетел к небесам, а в ответ с крыши

дома взмыла стая голубей, закружилась над землёй, уносясь в голубую небесную высь. Старик вертел головой, следя за кружением птиц, куда они выстраивались в необходимый порядок разлёта, и присел в кресло, когда голуби обратились в малые точки на фоне бескрайнего неба. Старик снова прикрыл глаза и будто бы задремал, но его сознание ясно рисовало для него одного понятное движение птиц на недоступной глазу высоте.

Что делать, если прожитые годы утомили чувства и силы, но оставили светлую память происшедших событий, а всё происходящее ныне и есть лишь повторение твоего прошлого участия в жизни? Память — одно из самых удивительных человеческих свойств, которое никогда не утрачивается теми, кто желает помнить. Теряют память только злодеи, чьё прошлое темно и жутко, — Господь лишает их добрых чувств, ввергая в безумие.

Полёт голубей — светлая радость незабвенного детства, юности, как песни матери и сказки бабушки, — эта радость остаётся с тобой навсегда, до конца жизни, а может быть, и потом, когда на крыльях голубиной стаи ты вознесёшься в небесное царство и там обратишься птицей Божьей — той мечтой крылатого детства, в которую всегда верил.

Старик и сейчас верил своей давней мечте и потому мысленно парил в небе и видел, как кувыркаются в нём его любимые голуби, и следил, чтобы они не увлекались «боем» чрезмерно — до смертельного падения на землю. Бывало и такое, всем хочется первенства, птицам тоже, у них свои соревнования — кто выше взлетит, кто ниже всех кувырнётся с той невероятной выси. Но, слава богу, все они всегда возвращаются домой от любых просторов и высот, чего нельзя сказать о людях, в том числе и о собственных детях. Вылетев из гнезда для познания жизненной науки, они редко возвращаются назад, даже ведомые памятью. Но почему дети так жестоки в этом беспамятстве к малой родине и родным лицам — неразрешимый вопрос нынешних и минувших времён.

Старик родился и вырос в одном месте и, помотавшись по белому свету, здесь же остался жить. Разумом, пресыщенным скитаниями по местам далёким и близким, он понимал бессмысленность перемены мест в поисках лучшего

бытия или желания начать жизнь в новом мире — светлом и чистом, без греховной вины за былое. Лучше всего жить там, где в сюжетах жизненного пространства остались твои детские и юношеские годы, а с ними и ты сам продолжаешь жить в них — в этих деревьях, реке и даже камнях.

Старик знал, что счастье человеческой души — это лишь прекрасные мгновения в узнавании красоты Божьего мира, что нет на белом свете территорий всеобщего счастья, счастливых государств и народов, а начать новую жизнь невозможно: даже за тридевять земель за тобой проследуют живущие в тебе нравы и привычки, мироощущение и память. Всюду, в какую сторону ты бы ни подался, тащишь с собой самого себя — любимого и нет. Уехать — не значит перемениться, это просто смена интерьера, обстановки природной или ещё какой-нибудь декорации, которые на некоторое время успокоят шатание разума, нечистую совесть, бродяжью сущность мыслей.

У взрослеющих детей желание свободы столь велико, что, обретая её, они теряют чувство меры вольных приделов и растворяются в туманных пространствах чужбины, проживая жизнь среди таких же иванов, родства не помнящих. Тяжело так думать отцу, и время эту боль не лечит, родная кровь взывает к единению, но это твоя кровь течёт в жилах детей, а их крови в тебе нет. Внуки, никогда не видевшие деда, воспринимают тебя как сказочное явление, нарушающее устои их понимания жизни — (хотя какие устои у отроков неустойчивых?), — но вы уже не можете повести их за собой, показать пример силы и мужества и проигрываете сражение в битве за семейное единство.

Нет, дети старика бывают у него, — редко, но всё же приезжают погостить. Гости они в своём родном доме, для них построенном. Хотя все люди на земле только временные постояльцы, существует же живоносный родник — родня, родина, где тебя ждут и любят просто так, за то, что ты есть на свете, да и само твоё появление как дивный свет в глазах отчих, который вселяет в них радость и продлевает дни жизни. Эта радость заканчивается, когда начинаешь понимать, что твои дети — чужие люди, а все их неудачные попытки осознать родство заканчиваются скорым отъездом и обещаниями бы-

вать чаще. Но так повелось: меньше всего любви достаётся нашим самым любимым людям — только начинаешь привыкать к присутствию родных людей, а их уже след простыл.

Старик остался один после ухода в другой мир жены — молецы и плакальщицы за весь род свой; для знакомых и незнакомых — для всех живых просила милости Божьей и покоя умершим. Особо молилась за детей, внучат и их семьи, просила подать им доброго здоровья, душевный покой и привести их в храм Господень.

Старик слушал молитвы жены и верил, что слова эти будут услышаны, очень уж истово лились они. Её молитва вышибала слезу из сердца мужского, привычного к невзгодам. Теперь старик и сам пытался славить и молить Всевышнего, но не получалось той искренности в его обращениях к небесам. Мешали шальные безбожные мысли — лукавый смущает — наверное, вера ещё не окрепла в нём, не обьяла разум сознанием Господнего присутствия в каждом человеческом движении по времени жизни.

Видно, Бог сам назначает молецы за род человеческий и словом дарит пронзительно-верным. Чтобы быть услышанным, надобно слышать боль и страдания человеческие как свои собственные. В страданиях жив человек, а кто от боли умаляется, тем не суждена жизнь вечная. Жизнь вечную надобно заслужить, но и просто долгая жизнь земная — она зачем-то дана... На радость или для чего-то другого, ведомого только Творцу? Долгая жизнь с течением времени становится всё непонятней. Всё неуверенней в ней себя чувствуешь — меньше людей рядом, готовых прийти на помощь. Да и кто нынче помочь готов? Измельчал народ, боится душу открыть перед людьми, как пред Богом. Хотя чего напраслину возводить на всех сразу, грех на душу брать? Соседский парнишка всегда готов помочь — и звать не надо, сам приходит и выясняет: не надобно, мол, чего дедушка, — как добрый друг поступает. И отец его ничего против их дружбы не имеет, тоже заходит за жизнь поговорить. Добрые соседи попались.

С другой стороны ещё один сосед живёт, но человеком его трудно назвать. Поселился он здесь за высокой оградой и сразу вроде хозяина всей улицы вознамерился стать, хотя никто его о том не просил. До него в этом доме старушка жила —

вежливая, чистенькая, как херувим, из прошлой жизни человек — Божьим светом осиянная. Всё к ней странники ходили да голытьба местная, и всех она привечала, угошала, хотя сама жила с огорода и ещё чем-то — верно, пенсию получала. Разговаривала мало, улыбалась лишь всем и всему по-детски светло. Дом большой, добротный — сын её ставил, но потом она почему-то одна жила, а как померла, так этот сосед и появился, наследовал, видно, имущество старушки.

И пошло-поехало: с улицы ворота и забор поставил выше дома. И соседство ему сразу не понравилось — то деревья кронами на его территорию проникли или собака лает не вовремя, а голубей невзлюбил до помутнения рассудка: садятся, мол, на крышу его дома. Но никто этой причины его ненависти не видел, да он всякую напасть возводил: гадят птицы ему на голову и перья во двор летят. Деревья и птица тут ни при чём, просто через них он весь белый свет ненавидел. Весь дом перестроил, в казарму превратил, двор перелопатил, говорят, бабкин клад искал, в огороде кусты заморские посадил, по сей день чахнут, потому как солнца южного им не хватает, но и в этом соседи виноваты, мол, их деревья свет закрывают. От слов, не раздумывая, к делу приступил. У забора, что межвал их земли, на стариковской стороне издавна росли плодовые деревья — раньше абрикосы, сливы ежегодно радовали урожаем, но только стали высыхать, захирели и пропали. Нашлась причина: сосед налил вдоль своего забора солярки под корни соседским растениям, и зачахли деревья во всей красе весеннего цветения от невиданной в этих местах человеческой злобы.

Жестоким сосед оказался, всё для себя и под себя грёб, но и себя, и имущества своего не жалел, лишь бы ближнего ущемить, унижить — свою ведь землю керосином погубил, но соседский ущерб важнее для такого, как он, ненавистника. Жена его под стать подвизалась, со всеми бабами в округе переругалась, а сама дура дурой и обличьем — чистая Яга. Детей им Бог не послал: видно, испугался, что наплодят бесенят, злющих, как и сами. Страшно за таких людей, от них ничего, кроме обид и ущерба, нет, а для чего живут, сами не знают.

Старик задремал, и покати́лась перед ним жизнь его, будто чёрно-белые кадры старого

фильма. А рассказать в том многосерийном фильме было о чём, и слова мудрецов о том, что всякая человеческая жизнь достойна внимания, верны во все времена. Больше большого повидал на своём веку старик, и многое из прожитого запомнилось навсегда, будто вчера происходило или сегодня произошло.

Повоевать он не успел, послали учиться воинскому искусству в город Хабаровск, а тут Победа великая приспела. Им, молодым дуракам, будущим офицерам, было жаль, что не успели на фронт попасть, не досталось по пуле, как Высоцкий поёт.

Училище он окончил, отбыл служить на Дальний Восток, в город Дальний. Лучше не придумает названия — дальше в дальнем. Так и приоровился к бытию дальнему, суровому, приобщился к технике военной, квалификацию получил, стал начальником радиолокационной станции в чине капитана. Должность ответственная — небо на замке держать и решения принимать самому, кого пропустить, а кого... Всякое бывало: враг не дремлет, и нам нельзя впадать в умиротворение от прошлых побед — это капитан твёрдо знал, потому служба мёдом не казалась, но и тягостью не была.

Но служба службой, награды, конечно, в радость, а вот главной награды — женской любви в дальнем отдалении от городов и весей сыскать трудно. Жёны сослуживцев будто приманка для холостых офицеров, раздражитель спокойствия мужского. Не хочешь, да свернёшь с дороги чести и достоинства, падёшь в сумбур сомнений: «Почему он, а не я на ней женат?» И пойдёт, и подхватит ветром вселенской несправедливости, помчит туда, куда нельзя, но можно, потому что ты тоже заслуживаешь любви и ласки и выполняешь все приказы командира, а призывы его жены к взаимопониманию тоже можно признать отчасти службой, правда, более приятной, нежели основная.

Тут главное — не расслабиться и не перепутать себя с командиром. Если у тебя шашни с его женой, это ещё не значит, что ты старше по званию. Здесь как раз и нужна полная субординация. Но хорошо всем не бывает никогда, а тайна — она только для тебя тайна, и потому кажешься себе эдаким Штирлицем, хотя на своей территории находишься, и даже в части воинской, тоже род-

ной, но делаешь дело, а заодно ворует любовь, востребованную в супружеской постели.

Так и получилось... Он — к ней в амбулаторию подлечиться от простуды, она его — на кушетку, его в дрожь от близости женской роскоши — один короткий халатик на теле — прижался к ней, а она не против, по-хозяйски дверь в кабинет закрыла, ну и случилось то, что случается между женщиной и женщиной. Короче, разбудила она, жена командирская, всю его дикую силу, долго томившуюся в недрах... под формой солдатской, в самом центре всех сплетений жизненных чувств мужских.

Начались встречи, такая любовь меж ними возникла, что и минута жизни без неё казалась вечной. Ситуация серьёзная вышла, тут смелость нужна или дурь безусловная, чтобы под носом у командира его за этот самый нос и водить. Но получалось, как любовникам казалось, очень неплохо, а им — так совсем хорошо... Встречались и в кабинете, и в лесу, и в его холощяцкой берлоге; постепенно бдительность утратили — стали в лес уходить среди бела дня и на ночь в капитанской каюте оставаться, ведь любовь вроде как всё должна была оправдать. Но такого оправдания не вышло, и суда не было, кроме людского, который за твоей спиной происходит, а ты и не знаешь, что осужден чужим мнением.

Кончилось всё однажды и навсегда, как ни странно, быстро и удачно для любовников. Вечерком приятным раздался в дверь капитановой квартиры стук, кинулся открывать, думал, любимая пришла, а там полковник — муж её. Вошёл и говорит оторопевшему подчинённому: «Капитан, что-то плохо гостей встречаешь... Наверное, выпить нечего, так я прихватил», — и бутылку водки на стол ставит.

Хозяин ожил, засуетился, соорудил закуску нехитрую — колбаску да огурчики. Выпили, закусили. «Что-то огурцы мне больно вкусом знакомы, чай, не из моего ли подвала?» — определил тему разговора гость, а ответить хозяину нечем, только глаза спрятал и молчит. «Люди мы военные, ко всему привыкшие, потому ругаться не будем. Завтра поутру отбываешь, капитан, на службу в город Владивосток. Документы уже на месте, рапорт подготовлен, характеристика добрая в соответствии с твоей службой под моим руководством. Ничего личного. Так что не поминай ли-

хом, но чтобы я тебя больше не видел. Появишься на глаза — застрелю. Давай на посошок — и собирай вещи, завтра в шесть ноль-ноль отбываешь, и без прощаний», — командир выпил и вышел из дому без рукопожатий и слёз, по-мужски.

Запомнил тогдашний капитан слова командира: мол, застрелю. Боевой офицер, мог и сразу пристрелить, но предупредил, и очень серьёзно. Поэтому утром раненько капитан сел в приготовленную для него машину и отбыл на военный аэродром, не попрощавшись с любимой своей, но чужой женой, и не потому, что испугался, а потому, что поверил в искренность непереносимой сердечной боли своего седовласого командира, фронтовика-орденоносца.

Прибыв на новое место службы, которая никак не изменилась в рабочей специализации, он согласно хорошей характеристике получил очередное звание и в чине майора заступил на должность начальника отделения связи.

Любимая часто приходила к нему во снах, в них он порывался куда-то ехать, но в реальности оставался на месте и ещё долго тосковал по своей запретной любви, которая так и оставалась лучшим его воспоминанием. Не те девчонки, с которыми они гуляли, обучаясь в военном училище, юные, смешливые и отчаянные, а именно эта зрелая любовь женщины в часы одиночества сводила его с ума и не давала покоя душе ни днём ни ночью. Он мучился, но не посмел нарушить запрет, сознавая, что достаточно страданий уже причинил достойному человеку, — страданий, гораздо более тяжких, нежели его собственные нынешние.

Женщин в военном городке было много, а во Владивостоке — тьма, но он, прикипев сердцем к дальней, невозвратной и желанной чужой жене, долгое время оставался равнодушен к откровенным жестам и взглядам местных красавиц, чем ещё больше возбуждал их любопытство. В его сердце будто бы вошла колючая заноза, но время не рассосало это чужеродное образование, а наоборот, она разбухала и не давала мыслить о чём-нибудь другом, кроме женщины, оставленной в Дальнем и совсем не близком месте.

Служба на новом месте больно напоминала о ней прежними приборами связи, формой сослуживцев, а когда он заходил в воинский медпункт, то в каждой медсестре ему чудился образ любими-

мой. Однажды приснился сон, очень похожий на явь, где он, увлекаемый зовом невидимой женщины, шёл по полю, зная, что это она, его радость и боль, зовёт неизвестно куда, но где-то в дымке тумана, у самого горизонта его ожидает награда за усердие в долгом пути. Проплутав всю ночь, так и не отыскав её, он проснулся, и — как некое неожиданное прозрение — пришло решение уйти со службы, чтобы освободить память от вещей и событий, напоминающих о потерянной любви. Волнительные последствия той страсти оказались более продолжительными, чем само время любовных утех, и вырваться из этих пут памяти счастливых мгновений было нельзя, не изменив самого жизненного уклада.

Командир удивился его рапорту об отставке, пытался уговаривать, но майор был непоколебим. После некоторых формальностей он, совершенно свободный от службы, уставной дисциплины и прочих обязанностей — без дома и семьи, вышел в мир ещё малоизвестный, где надобно жить без приказов, равнений, а по собственному желанию и способностям к умению.

Пышных проводов не последовало, он немного времени отслужил на новом месте, но успел зарекомендовать себя как знающий офицер и чуткий товарищ; его наградили именным оружием, доброжелательной характеристикой и добрыми напутствиями.

Ему повезло, он очень скоро устроился на рыболовецкое судно, надолго покидавшее суетливое пристанище людей — сушу — для промысла рыбы в океанских просторах. Такие условия новой работы ему сразу понравились, в отдалении от человеческих страстей легче переносятся муки любви, а тяжелая работа гасит брожение плоти, пусть даже легко возбуждаемой неуёмной памятью.

Он сразу ушёл в море, а военная закалка характера и мышц тела помогла ему выдержать тяготы обучения профессии рыбака. Скоро бывший майор вписался в пёстрый рабочий коллектив суровых мариманов и отчаянных бродяг. Знакомство и дружба с такими людьми существовали, но ни к чему не обязывали, всё было временным: и работа в море, и отдых на суше, — менялись только обстановка и условия жизни.

В океане действовал сухой закон, а на берегу эти трудолюбивые парни пускались во все

тяжкие. После такого «отдыха» они едва приползли на судно для продолжения трудовой деятельности. Такая жизнь рыбака считалась нормой, даже жёны, что ожидали их как награды за тяжкий труд, были общими: один уходил в море, другой являлся на смену, если не на белом коне, то при деньгах обязательно.

Эта бесшабашная жизнь не приглянулась Майору, которого рыбаки так звали, обратив звание в прозвище. После первого прибрежного загула он отстранился от всех пьяных мероприятий на суше, снял жильё и проводил время, познавая город и его достопримечательности. Ещё будучи отроком, он пристрастился к чтению книг, но на военной службе времени для такого досуга не доставало, и тут принялся навёрстывать упущенные возможности, особенно любил книги познавательные, исторические.

Женщины, конечно же, присутствовали в его жизни, но жертвовать ради них свободой он не решался, они того не стоили. Да и отъезды на долгие месяцы в море гасили любую сердечную привязанность, кроме той далёкой, но и её образ потускнел во времени — она редко снилась и уже не манила за собой по просторам сновидений. Любовь минула; признаться себе в том было трудно, хотя недавно он сам желал забыть о ней. Вместо этого он научился мечтать о любви — нежном облаке, плывущем в небе на недостижимой высоте.

Несколько лет он провёл обособленно от людей и многоголосия мира, в условном одиночестве — насколько так можно назвать положение человека, читающего и глубоко понимающего прочитанное, умеющего в воображении оживлять образы героев книг и их судьбы.

Ко времени или нет, объяснить можно по-разному, у него появилась тоска-печаль по малой родине. Может быть, бессемейное, пустое существование толкало объединиться если не с настоящим, то хотя бы с прошлым, видениями, всплывающими в памяти. За время работы на траулере он прослыл трезвенником, но смелым, умелым рыбаком и добрым товарищем. К тому же сумел скопить приличную сумму. Устроив корешам по работе пир на весь мир, без сожаления отбыл домой, где его уже никто не ждал. Родители умерли ещё во время его службы на Дальнем, сестра некоторое время жила в отчем доме,

но вышла замуж и, продав имущество, уехала обживать просторы мужниной родины.

Как приехал отставной воин и рыбак на родину, закружилась голова его от простой радости: отеческие просторы кругом. Он купил дом у реки Вольгарки, где купался мальцом, обустроил жильё, завёл голубей и... женился. А что, молод ещё человек, не утомился от жизни, не растратился телом и духом!..

Познакомился со своей суженой на службе, куда устроился начальником охраны трикотажной фабрики. На таких производствах женщин пруд пруди, но он долго держался особняком, потом заметил девушку. Та вроде и внимания не обращала на его бравый вид, а между тем некоторые под ноги бросались, лишь бы взглянул. В клубе познакомился с той зазной и сразу — а чего тянуть — время не медлит — предложил расписаться. Короче, по-солдатски штурмом взял, хотя и против никого не было, и соперников тоже.

Мужики девок шустрых любят. Эта же — тихоня, но такой доброй и ласковой оказалась. Уже позднее, как вместе жить стали, так и любовь на него нахлынула, теперь уже не краденая — своя.

Любил старик свою жену неброско, а показушная проходит быстро, потому как на обмане построена. Он берёт её от труда тяжкого и в заботах помогал. А как сын родился, тут уж сам Бог повелел жену благодарить да лелеять, а потом совсем привязался к семье, домой спешил со службы, будто после долгой разлуки.

Вспоминалась, конечно, та запретная любовь, но уже как-то вместе с ушедшим временем: была служба военная, и женщина там тоже была красивая, но временная, — а теперь жизнь постоянная, семейная. Молодая жена его прошлым не интересовалась, так оно и лучше. Много воды утекло, не поправишь, а станешь прошлым томиться — только усталость раннюю наживёшь и болезни душевные.

Так и прожили, слава богу, не бранясь, не бегая за чужими советами, а своим умом и любовью своей — тихой и верной. Плохо, что приходится жизнь в одиночестве доживать, но ничего здесь не поделаешь, судьба у всех своя, а жить надо сколько отведено.

Вдруг звук выстрела сотряс воздух, старик

вскочил с кресла. С неба на него посыпались перья и безжизненные тушки голубей. Он быстро взобрался на крыльцо и увидел, что на своём дворе стоит сосед и перезаряжает дробовик.

«Ты что же делаешь, сволочь?!» — закричал старик.

Сосед зло ухмыльнулся и направил ствол на старика: «А вот сейчас и тебя, старая калоша, подстрелю!»

Старик замер, но не от страха, а от прилива ненависти к человеку, что принял образ зверя в его глазах. Он не мигая смотрел в жерло смерти, имея одно желание — раздавить эту гадину собственными руками или умереть.

Выстрел грянул, но опять вверх, сосед передёрнул ствол, и заряд ушёл в небо. Стрелок, торжествуя, закричал: «Что, испугался, старый?! Ладно, живи, а ворон твоих всех изведу сегодня!» — и снова стал менять заряд.

Старик ожил от той угрозы и скрылся в доме.

Стрелок долго вылавливал небесную цель и уже хотел нажать курок, как щёлкнул выстрел — на этот раз пушечный.

Сосед, заорав благим матом, бросил оружие и, согнувшись от боли, схватился за руку, ещё недавно державшую палец на курке.

Старик навёл пистолет на голову раненого врага — наверное, застрелил бы его, но тут в его руку вцепился соседский мальчишка, невесть откуда взявшийся. Он твердил одни и те же слова: «Не надо, дедушка! Дедушка, не надо!»

Плач паренька охладил кипящую ненависть, и старик обмяк, отдал ему оружие — именной пистолет, который не использовался по назначению, а вынимался из домашнего сейфа только для чистки и смазки.

Будто ослепший, старик шарил по двору, подбирая мёртвых птиц. С какой-то ему одному понятной целью он складывал погибших пернатых друзей на кресло. Слёзы неудержимо текли по лицу старика.

Горка убитых в полёте птиц росла. За забором выл, не переставая, сосед. Посреди двора стоял мальчишка с пистолетом в руках, а вокруг уже собралась толпа сочувствующих и зевак.

Люди молчали, молчали и милиционеры, быстро прибывшие на место происшествия. Они знали хозяина голубей по его службе в охране.

А старик стоял перед креслом на коленях и, обняв грудку убитых голубей, плакал. Утирая слёзы рукой, в которой по-прежнему был зажат пистолет, плакал и мальчишка. Женщины тоже утирали влажные глаза концами платков.

На другом дворе, за забором, врач скорой помощи бинтовал руку беспрестанно воющему соседу. Больше там никого не было — ни сочувствующих, ни просто любопытных, — только жена раненого убийцы выкрикивала проклятия в адрес всего белого света, но никто этого не слышал или не слушал.

□

Николай Петрович ЗАЙЦЕВ

родился в 1950 году в г. Талгар (Казахстан).

Поэт, прозаик.

Автор книг: «Талгар», «Через Прочее», «Вершины Талгара», «Грешен...»,

«Цветы для Мари», «Во Имя Твое», «Голуби и другие рассказы»,

«Тайны Утреннего Света», «Преображение смысла».

Публиковался в журналах «Наш современник» и «ЛитЭра»

«Молодая гвардия», «Север» и многих других.

Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009),

«Верность родному слову» (2011), «Литературная Вена» (2011),

награждён премиями им. В. Белова (2009), им. В. Шукшина (2013).

Член Союза писателей России.

